

Столкнувшись с прямым признанием Ли Чжуна, Юань Цин сделал паузу, вытирая руки носовым платком. Он убрал платок, встал и подошел к Ли Чжуну, нахмурился и сказал слегка недовольным тоном: "Мастер Ли теперь признает это? Разве не говорится, что кости ученых чрезвычайно твердые?"

Ли Чжун сдержанно улыбнулся и посмотрел на Юань Цина: "Хотя наша страна всегда славилась уголовным правом, я не боюсь. Сначала я не хотел признаваться в этом, но когда я увидел человека, из-за которого я впал в немилость, мне вдруг захотелось все рассказать. Я не думаю, что есть какие-либо причины защищать третьего принца. Кто сделал его и Хань Шидзи двоюродными братьями? Почему я должен терпеть пытки ради третьего принца?"

Юань Цин был ошеломлен праведной честностью Ли Чжуна. Он посмотрел на Хань Сяня, который сидел за столом, думая о положении этого человека в сердце императора, и сказал с оттенком уважения: "Шидзи, ты думаешь, надо ли применить пытки для проверки показаний?"

Хань Сянь даже не поднял голову, когда услышал это, и сказал: "Поскольку он признает это, тогда пусть напишет подробности своего близкого знакомства и сделки с третьим принцем и подпишет их."

Юань Цин услышал слова Хань Сяня и вздохнул про себя, что ни один из различных методов пыток, которым он научился, не может быть использован на Ли Чжуне. Он сказал ему: "В таком случае, мастер Ли, давайте начнем." Сказав это, он вернулся на свое место.

Видя, что все идет не по тому сценарию, о котором он думал, Ли Чжуну очень не хотелось писать, поэтому он накричал на Хань Сяня: "Ты больной червь, ты не доживешь до двадцати лет. Я хочу посмотреть, что ты сможешь со мной сделать."

На этот раз Хань Сянь наконец взглянул на него, в его глазах был небольшой интерес, он медленно встал и подошел к Ли Чжуну, присел на корточки, перед ним и улыбнулся: "Разве ты не хочешь просто разозлить меня, ругая вот так. Не думаешь, что если я уйду, к тебе применят пытки? Тогда ты останешься один. Давай убей себя и свали это на меня."

Лицо Ли Чжуна не изменилось, и он уставился на него, поджав губы.

Хань Сянь продолжал мягко говорить: "Если готов напиши, то, что я сказал, просто сделай это. Не трать наше время. Если нет, можешь продолжать страдать, а мы вернемся завтра. Но ты также должен понимать характер и темперамент императора. Вашему дому Ли определенно пришел конец. Но если то, что ты говоришь, сделает императора несчастным, потомки семьи Ли пострадают. Мужчины будут рабами на протяжении многих поколений, а женщины рабынями. Как рабы, они не смогут распоряжаться своими жизнями, их будут продавать по желанию хозяина, а смерть всегла будет ходить рядом. На твоем месте я бы честно все рассказал, ведь, еще их могут сослать за три тысячи миль. Если покаешься твое грешное тело сохранят в целости, семья Ли по-прежнему будет носить фамилию Ли, а я могу сжечь тебе бумажные деньги в праздник Цинмин."

Когда Ли Чжун услышал это, выражение его лица наконец изменилось. В тот момент, когда Хань Сянь встал, Ли Чжуна внезапно вырвало кровью. Если бы Хань Сянь быстро не отскочил, кровь попала бы на его одежду. Видя эту ситуацию, Ли Чжун подумал о сцене, когда была открыта его тайная комната, и подумал про себя: "Это Божья воля?"

Однако он не видел воли Бога в этом, он свирепо посмотрел на Хань Сяня и сказал: "Ты такой порочный, рано или поздно тебя постигнет возмездие."

Ли Чжун был напуган, но он не осмелился упомянуть имя второго принца. Если он не скажет правду, он умрет. Если он скажет правду, королева-мать не отпустит их, никого из семьи Ли ни стара и ни млада.

По слухам, смерть первого императора была связана с вдовствующей императрицей. Говорят, что нынешний император был свидетелем того, как его мать убила отца, поэтому только взойдя на трон, он был немного трусоват и не имел большой власти в своих руках. Хотя все это слухи, Ли Чжун знал, что нет дыма без огня.

Если бы их семья Ли действительно была изгнана за три тысячи миль, слишком много людей погибло бы в пути. В конце концов, их кости были остались бы в бесплодных горах и были бы растащены шакалами и другими зверями. Если бы он сохранил тайну в своем сердце, император был бы более великодушен, чем королева-мать, и у него было бы время для отсрочки приговора.

После того, как Хань Сянь определил принца в сердце Ли Чжуна, он тихо сказал: "Я знаю о чем ты беспокоишься в первую очередь. Если не говорить о б украденном серебре, вспомни о веерах в том коробе. На каком из них нет невинной крови? Ты думаешь, что твоя беда в том, что ты встретил меня, но это просто возмездие. Подумай об этом.."

После того, как он произнес эти слова, которые сильно задели Ли Чжуна, он встал и вернулся на свое место. Чжан Ханьпин посмотрел на Юань Цина и Хань Сяня и попросил охранника передать перо и чернила Ли Чжуну.

Ли Чжун дрожал с пером в руке, и чернила капали на белоснежную бумагу, но, написав всего одно слово, он в изнеможении упал на пол.

Чжан Ханьпин приказал плеснуть несколько кастрюль холодной воды на него, но он не очнулся. Видя эту ситуацию, Хань Сянь встал и сказал: "Поскольку сегодняшний судебный процесс не принес никаких результатов, я вернусь во дворец."

Услышав это, Чжан Ханьпин поспешно сказал: "Шидзи, не волнуйтесь, в храме Дали есть много методов допроса. Независимо от того, действительно ли у него обморок или притворство, чиновник всегда сможет заставить его очнуться."

Хань Сянь холодно взглянул на Чжана Ханьпина и сказал: "Мастер Чжан, если он не заговорит,

вы планируете убить его сегодня?"

Чжан Ханьпин всегда пользовался благосклонностью императора, и это первый раз, когда с ним так разговаривали, и он был недоволен. В этот момент Юань Цин встал, улыбнулся и сказал: "Мастер Чжан, хотя время поджимает, император не дал крайнего срока для допроса. Давайте закончим на сегодня. Посмотрите, это надолго. Я и Шидзи сначала вернемся во дворец."

Чжан Ханьпин уже много лет был чиновником, и его недовольство Хань Сиенем не отразилось на его лице. Хотя он был раздражен тем, что Хань Сянь смотрит на него свысока, он все равно ответил с улыбкой на лице: "Шидзи и господин Юань вдумчивые, пришло время позволить этому Ли отдохнуть. Мои люди хорошо позаботятся о нем."

Чжан Ханьпин и Юань Цин кивнули друг другу, а Хань Сянь повернулся и ушел, даже не попрощавшись.

Вернувшись во дворец, Юань Цин пересказал императору результаты допроса, включая разговор между Хань Сиенем и Ли Чжуном. Юань Цин пересказал в точности то, что он сказал. Слово в слово.

Услышав все, император рассердился. Он посмотрел на Хань Сяня и сказал: "Я просил тебя помочь в рассмотрение дела. А вместо этого, ты угрожаешь подозреваемому? В результате его вырвало кровью, и он потерял сознание, ничего не сказав?"

Хань Сянь произнес: "Сообщаю императору, ваш слуга просто подумал, что вор Ли Чжун никогда не скажет правду. Когда я был там, я решил напугать его, но не ожидал такой реакции. Похоже, он виновен."

Император дернул уголком рта. В глубине души он действительно собирался низвести мужчин семьи Ли до рабов, а женщин - до рабынь. Теперь, когда Хань Сянь сказал это вслух, эта идея немного поблекла, и не казалась такой привлекательной.

Подумав об этом, император посмотрел на Хань Сяня и сказал: "Ли Чжун сказал, что человек, который общался с ним, был Третьим принцем?"

Хань Сянь утвердительно хмыкнул, и лицо императора побледнело, он сказал: "В таком случае пусть третий принц подумают об этом за закрытыми дверями у себя дома."

Император не хотел видеть третьего принца Цзи Ло, но он никогда не хотел его смерти. Таким образом, дело семьи Ли было делом Цзи Ло, и только император, Юань Цин и Хань Сянь знали об этом.

То, что император приказал Цзи Ло подумать за закрытыми дверями, это не только намек на

предупреждение, это также скрывает Цзи Ло от посторонних глаз.

Сказав так, император попросил Хань Сяня и Юань Цина отступить. Потом император сказал Хань Сяню: "Не ходи завтра в храм Дали. Твой рот слишком силен. Если ты продолжишь, я боюсь, что ты доведешь подозреваемого до смерти."

Хань Сянь, естественно, принял заказ. После того, как они покинули императорский кабинет, Юань Цин посмотрел на Хань Сяня и улыбнулся: "В конце концов, у Шидзи доброе сердце. Если бы не его напоминание, Мастер Ли продолжил бы кусать третьего принца, делая императора несчастным, а потом все родственники семьи Ли закончили бы еще печальнее."

Хань Сянь посмотрел на Юань Цина и сказал: "Господин Юань так странно думает. Я смертельно обидел семью Ли, и я же о них забочусь?"

Юань Цин слегка улыбнулся и сказал: "Ли Чжун кусается без разбора. В конце концов, наследник Хань всем сердцем привязан к третьему принцу. В таком случае, хорошо, что император узнал, что сказал Хань Сянь, так что, похоже, это наилучший результат."

Хань Сянь усмехнулся, услышав слова Юань Цина, и лениво сказал: "Господин Юань, этот дворец слишком большой, и все более или менее могущественны. Ли Чжун кусает третьего принца, и тот должен обладать такой способностью, верно? Но в любом случае император должен все понять. Вам не кажется? Император ведь приказал этим третьему принцу думать за закрытыми дверями?"

Хань Сянь почувствовал, что его обидели. Он действительно не заботился Цзи Ло. Он просто чувствовал, что к настоящему времени все это успешно пробудило его интерес.

Император хочет использовать его, чтобы очистить двор и пробудить сердца людей. Кстати, он может выяснить некоторые события прошлого. Он почти выяснил причины, но все же должны быть вещественным доказательством. Семья Ли также является свидетелем. Он пока соберет их и сделает некоторые приготовления. В этом нет никакого вреда.

Юань Цин увидел, что Хань Сянь этого не признает, поэтому улыбнулся, и ничего не сказал. Этот человек просто пытается выжить в трещинах императорского дворца. Он иногда говорит что-то, что знает, но если ему не отвечают, они не будут продолжать.

После разговора с императором, Хань Сянь направился к дому Хань. Как только он подошел к двери, слуга Хань Чжо уже ждал его, сказав, что Хоу пригласил его в кабинет.

Раньше Хань Сянь был в настроении общаться с Хань Чжо. Теперь, когда он нашел, что его заинтересовало, у него не было времени разговаривать с Хань Чжо, поэтому он отказался идти в кабинет, потому что ему нездоровилось. .

Слуга был ошеломлен отказом. Увидев спину Хань Сяня, когда он уходил, слуга развернулся и быстро направился к кабинету Хань Чжо.

У Хань Сяня не было времени обращать на него внимание, поэтому он направился прямо на свой двор. Что касается Хань Чжо, разбившего несколько чашек из-за своего гнева, он, естественно, не знал об этом.

Хан Сянь размышлял, как он может решить проблемы императора или как объединить этих, казалось бы, не связанных между собой людей, которые должны появиться следующими?

Хан Сянь долго думал и кистью криво написал на белой бумаге иероглиф. Затем он удовлетворенно кивнул. Королева-мать все еще находится в положении, которого она не может избежать. Давайте начнем с маленьких людей.

<http://bllate.org/book/13913/1226116>